

Глава 21

Гер Цин побежал домой. Перед его глазами предстала сцена, от которой стыла кровь: Мяо Ши, размахивая тесаком, в бешенстве гналась за старой госпожой Шэнь. Зрелище было по-настоящему жутким.

Односельчане, которые вроде бы пытались её удержать, на самом деле не осмеливались подойти близко — у ножа, как известно, глаз нет. Никто не хотел рисковать собственной жизнью ради старой госпожи Шэнь, оно того не стоило.

Лишь двоюродная тётушка Лянь по-настоящему удерживала Мяо Ши, обхватив её за талию. Если бы не она, старую госпожу Шэнь уже давно бы убили.

«Если ты её убьёшь, заплатишь за это своей жизнью! Оно того не стоит! Правда, не стоит!»

Гер Цин впервые в жизни видел свою мать в таком состоянии, и сердце его разрывалось. Она всегда была робкой и слабой. Раз уж дошло до такого, значит, её действительно довели.

Он бросился вперёд и ловким движением выхватил нож из её рук, чтобы она не успела поранить себя.

«Мама, успокойся! Я уже вернулся! Если есть какая-то проблема, пусть её решает староста деревни. Дядя Чжан уже пошёл за ним, не делай глупостей!»

Увидев гера Цина, Мяо Ши наконец лишилась последних сил. Было неясно, слышит ли она его слова, но она сразу же села на землю и разрыдалась.

«Я уже уступила той лисице своё место в доме, так почему семья Шэнь всё никак не оставит меня в покое? Почему им обязательно нужно преследовать меня, гнаться за мной даже сюда, лишь бы снова унижить? Им что, нужно довести меня до смерти, чтобы успокоиться?»

Её плач был таким жалким, что казалось, будто это не она только что гналась за кем-то с ножом, а наоборот — её саму пытались зарезать.

Гер Цин опустился рядом с ней на колени, поддерживая её, пока она рыдала. Сердце его сжималось от боли. Он поднял голову и с жгучей ненавистью уставился на старую госпожу Шэнь.

Большинство людей склонны сочувствовать тому, кто выглядит более несчастным, а прежние впечатления сильно влияют на суждения.

Вся деревня знала, что Мяо Ши всегда была кроткой и покорной. Поэтому, несмотря на то что совсем недавно в её руках был нож, люди сочувствовали именно ей.

К тому же многие из присутствующих только что купили у семьи гера Цина дешёвое мясо дикого кабана. Есть старая поговорка: «Не кусай руку, которая тебя кормит».

«Вот именно, она спокойно сидела у себя дома, а эта старая госпожа Шэнь вломилась сюда, — заговорили люди. — Они уже разошлись, семьи полностью разругались. Зачем вообще надо было приходить сюда?»

«Да разве не ясно? — фыркнул кто-то. — Просто не вынесла того, что у них жизнь наладилась, вот и захотела урвать кусок мяса».

Более пожилая и опытная женщина усмехнулась: «Ясно как день. Она привыкла командовать, привыкла к власти в доме и до сих пор думает, что может помыкать Мяо Ши, как своей невесткой».

В те времена мужчины стояли выше женщин, а женщины — выше детей. Женщины и геры обязаны были подчиняться мужчинам в семье, а за пределами дома почти не имели никакого статуса. Та крошечная власть, что у них всё же была, обычно распространялась лишь на детей, внуков и невесток.

Некоторые матери ещё могут сдерживаться и не слишком жестоко обходиться с собственными детьми, но невестки, «чужие люди», чаще всего становятся главной мишенью для выплёскивания злости и утверждения своей власти.

Недаром говорят: «Выстрадавшая невестка однажды станет свекровью».

Став свекровью, женщина обретает власть.

Наконец-то у неё появляется та, кто стоит ниже её и кем можно помыкать — так же, как когда-то помыкали ею самой. Лишь тогда считается, что она «добилась своего».

Ситуация в семье Шэнь ни для кого не была тайной. Ли Цзяофэн была женщиной несговорчивой, такой, которую невозможно легко воспитать под себя.

Очевидно, дома старая госпожа Шэнь потерпела поражение. Теперь всем управляла Ли Цзяофэн.

Не имея возможности выплеснуть раздражение у себя в доме, старая госпожа Шэнь пришла к Мяо Ши в надежде вновь испытать сладкое чувство власти над невесткой.

Но сегодня Мяо Ши дала отпор, и старая госпожа Шэнь этого не ожидала.

Сама старая госпожа Шэнь сидела на земле, тяжело переводя дыхание.

Как-никак годы брали своё. К тому же в последние дни она изнемогала от домашней работы. А только что едва ускользнула от ножа Мяо Ши — этот испуг чуть не выбил из неё душу.

Наблюдая за приглушёнными разговорами вокруг, а потом услышав, как кто-то вслух озвучил именно те мысли, которые она сама ещё не осмеливалась признать, старая госпожа Шэнь впервые в жизни ощутила жгучий стыд.

Даже она, которая никогда не заботилась о «лице», почувствовала, как щёки заливают жар.

«Тьфу! Тьфу! Да что вы вообще понимаете?! Я его бабушка! Как бы там ни было, он обязан меня почитать! С чего вы взяли, что не должен?!»

Наконец кто-то потерял терпение: «Какая ты ему бабушка? Если ты и правда считаешь себя его бабушкой, почему не пошла искать его? Ты тут уже давно крутишься, выжидала, пока он уйдёт, а потом сразу набросилась на Мяо Ши. Кто ты ей вообще такая? С какого права ты что-то от неё требуешь?»

Лицо гера Цина помрачнело. Он уже собирался заговорить, как из толпы раздался голос: «Хватит! Разойдитесь! Староста пришёл!»

Услышав это, старая госпожа Шэнь словно ухватилась за спасительную соломинку.

Она с размаху рухнула на землю, начала кататься и истошно завывать: «Я больше так жить не могу! Такая старая женщина, как я, — и чтобы за мной с ножом гналась мать моего внука! Я так перепугалась, у меня всё тело болит! О, небеса, взгляните, сколько я натерпелась!»

Староста деревни Чжао услышал её визг ещё издалека, и у него сразу же болезненно закололо в висках.

Он уже собирался что-то сказать, но госпожа Гуйсян, его жена, резко дёрнула его назад и бросила на него суровый взгляд.

Я же говорила, чтобы не лез.

Староста Чжао замолчал.

Госпожа Гуйсян шагнула вперёд и взяла ситуацию под контроль.

«Старая госпожа Шэнь, что это вы опять за переполох устроили? Дел других, что ли, нет?»

Глаза старой госпожи Шэнь широко распахнулись.

Что за чушь?! Это она, выходит, виновата?

Да за ней только что с ножом гонялись — и это, по-вашему, её вина?!

Она раскрыла рот, собираясь возразить, но госпожа Гуйсян не дала ей вставить ни слова: «Когда Мяо Ши развелась с вашим сыном, гер Цин официально ушёл из вашей семьёй. В документах всё чётко прописано: у гера Цина есть обязанность заботиться только о матери, а семья Шэнь больше не имеет к нему никакого отношения. Так объясните мне — зачем вы до сих пор к ним таскаетесь? Если это не намеренное разжигание скандалов, то что же тогда?»

Госпожа Гуйсян даже не стала упоминать, что Мяо Ши пыталась на неё напасть.

«У вас есть два сына, оба в состоянии вас содержать, а вы приходите донимать младших. Где тут логика?»

Она действительно была женой старосты — за годы ей довелось разбирать столько семейных дрязг, что она прекрасно знала, как прижать людей к стенке.

Не имея разумных доводов, старая госпожа Шэнь упрямо выкрикнула: «Да я не прошу, чтобы он меня содержал! Это же всего лишь кусок мяса! У него целый дикий кабан! Неужели так трудно дать мне немного? Я вообще-то его бабушка!»

Госпожа Гуйсян резко усмехнулась: «И с какой стати? Сколько бы у него ни было мяса, это вас не касается! Запомните раз и навсегда: если вы, из семьи Шэнь, продолжите игнорировать документ о разводе и дальше будете донимать гера Цина и его мать, потом не обижайтесь, если всё закончится плохо. Если бы сегодня его мать действительно махнула ножом и зарубила вас, ну что ж... это было бы заслуженно. Они уже в разводе, так имейте хоть немного достоинства! Если не можете желать друг другу добра, то хотя бы держитесь как чужие и не лезьте друг к другу на глаза. А если так уж чешутся руки поскандалить, идите донимайте свою новую невестку!»

Затем она повернулась к геру Цину и Мяо Ши, и голос её стал чуть мягче. В этот момент Мяо Ши уже снова выглядела такой же покорной, как всегда: лицо было залито слезами, трудно

было поверить, что совсем недавно она гналась за кем-то с ножом. Вспомнив свиную ногу, которую она только что получила от гера Цина, госпожа Гуйсян терпеливо добавила: «В следующий раз, если они снова придут к вам, сразу же идите ко мне домой! Ни слова её не слушайте, ничего не принимайте близко к сердцу!»

Грудь старой госпожи Шэнь вздымалась от ярости. Она злобно посмотрела на госпожу Гуйсян, а затем перевела взгляд на старосту деревни и закричала: «Да я ведь видела, как ты рос! Ты и Чжигао вместе выросли! Как ты позволяешь своей жене так несправедливо говорить? Она совсем не уважает старших! Как ты вообще мог жениться на такой женщине?»

От этих слов у Чжао Юдана разболелась голова ещё сильнее. Если и было в его жизни что-то, о чём он по-настоящему сожалел, так это то, что в детстве он дружил с Шэнь Чжигао! Из всех деревенских ребят — почему именно он? Хотелось дать себе пощёчину за собственный детский выбор.

«Всё твердите об уважении к старшим, а разве староста не должен быть достоин уважения? — холодно усмехнулась госпожа Гуйсян. — И моего мужа сюда не приплетайте, он и так был к вашей семье слишком снисходителен! А если уж говорить по всей строгости деревенских правил, то позвольте напомнить, что чёрным по белому в них написано: Шэнь Чжигао прелюбодействовал с Ли Цзяофэн и даже заделал ей ребёнка. По закону женщину следовало утопить, а мужчину — высечь сорок раз плетью и изгнать из деревни. Если хотите, чтобы мой муж был справедливым, давайте начнём именно с этого?»

<http://bllate.org/book/14994/1347331>